

Елена Глебова

ИНОК

Часть 1. Инок

Величественные своды скалистых гор нависали над узенькой ложиной. Карпаты в своей первобытной чарующей многогранной упоительной красоте, пленяющей душу, словно древние гигантские исполины склонились над свежесрубленной деревянной часовенкой. Местные сначала недоверчиво, редко и с каким-то предубеждением заходили сюда, потом всё чаще и чаще, а полгода спустя маленькая часовенка стала местом постоянного присутствия православных верующих. Сначала люди останавливались у Поклонного Креста у подножия скал, затем ноги сами несли к деревянному срубу с вытянутым шатром, увенчанным куполом в форме луковицы. Необычная архитектура и обилие искусно выполненных резных деревянных элементов были не характерны для церквей и часовен этого края. Часовенку строил чужак, но как она была построена! Часовенка та была чудо, как хороша. Непросохшее дерево говорило о спешке и новизне — всё в этой часовенке дышало чудом, было строгим и гармоничным, ничего лишнего, и в то же

время деревянные резные узоры на стенах и перилах на паперти свидетельствовали о редчайшем художественном мастерстве резчика. В часовенке той никогда не было слышно пения. Тишина и голоса гор проникали в человеческие сердца, соединяя их с Богом.

Странный священник, строгий и молчаливый, редкой красоты мужчина с виду лет сорока тихо расставлял свечи под иконами. Свечи основанием уходили в песок, над песком был небольшой слой воды. Расплавленный воск капал прямо в воду и тут же превращался в незамысловатые фигурки-огарыши. Священник клал свечи у входа, у кого была возможность — тот оставлял за свечи денежку. На собранные гроши священник достраивал свой маленький храм, утонувший в скалах, словно милые сердцу Карпаты обнимали это маленькое творение рук человека и уберегали от лихих сил. Черноволосый, смуглый красавец с волосами по плечи, он был молчалив и угрюм. На плече его часто видели серую невзрачную пустельгу. Птица сопровождала священника повсюду, а когда он заходил в храм, птица кружила над деревянной луковкой постройки и гортанным криком извещала о том, что священник уже здесь. Молодухи из соседних деревень в бусах да нарядных платьях, с шёлковыми лентами в волосах часто наведывались к молчаливому священнику, но

он смотрел на них равнодушно-бесстрастным взглядом, как умирающий смотрит в лазурное небо, и жутко становилось дивчинам от этого взгляда инока.

— Чёрт бы побрал такую красоту, — ругались они, — смотришь на него — аж, сердце замирает, а он, словно, из камня высеченный — немой, неживой какой-то, и взгляд, как будто из пропасти, из бездны на тебя смотрит.

— А то, и не священник он вовсе, — вторила другая, — мёртвый он среди живых — вот он кто, смотрит на людей своим взглядом леденящим, словно, в самое сердце метит, и при этом ни один мускул на лице его не дрогнет. А брови-то точёные чёрные, будто смоль, глаза синие — как омуты, ох, сколько же дивчин сгубила красота этого монаха, а он — ни Богу свечка, ни бабе кочерга — вот, помяни моё слово, заколдован он, не жилец он на этом свете, не жилец, поэтому и храм строит, и свечи жжёт — душа на волю просится, к людям живым, а никак — взаперти его душа, и сам он тоже раб чьего-то пожелания.

— А птица эта, видала ль, Алесь, что на плече его, — та взглядом человеческим так и пялится, прожигает, аж, насквозь. Я на него смотрю, не дышу, а птица та его — на меня, и вот-вот в глаза когтями, того и гляди, вцепится. И он монах — не монах, и птица его — не птица, вот те крест, — и

вторая дивчина спешно набожно перекрестилась.

Образ немого угрюмого красавца-священника, пришлого в эти края, не давал покоя ни дивчинам, ни мужикам, и даже дети малые гуторили о странностях инока, вторя рассказам стариков. И действительно, странным был инок. Словно из сна вышедший, из другого мира, человек непередаваемой ледяной красоты и странного состояния духа. Мрачный, спокойный, равнодушный, угрюмый и холодный, как горное озеро, с чарующим взглядом человека, прожившего жизнь и познавшего все её законы. Он ничего не желал, ничему не удивлялся, он, словно, созерцал эту жизнь, не любя, но и не отторгая её. Смуглолицая мрачная красота этого человека, подёрнутая тайной и какой-то затаённой неведомой никому грустью, мучительной болью, от которой не сбежать и не закрыться, притягивала и завораживала, и чем недоступнее была эта красота, тем сильнее привлекал к себе инок. Маленькая часовенка была насквозь пропитана ароматом роз и горных васильков, мышиного горошка и душистой руты, бело-розового ясенца и горных колокольчиков. Дивчины приносили в храм цветы, ставили свечи, втихоря друг от друга вешали на иконы свои украшения в знак благодарности за исполненное желание или моля о чём-то своём сокровенном. Инок смотрел на всё это, равнодушно

и холодно, будто рядом с ним был только Бог.

Одна слабость угадывалась у красавца-отшельника — серая неприметная пустельга. Птица постоянно сопровождала монаха, куда бы он ни шёл, кружила над ним и часто садилась на его плечо. Умная и такая же равнодушная к миру, она, словно, жила мыслями и чувствами инока. Часто садясь на его руку, пустельга пила из его ладоней, и странная связь ощущалась между монахом и серой невзрачной пятнистой птицей с таким же печальным, как у инока, взглядом.

Часть 2. Негаданная гостья

Весть о молчаливом иноке, что одним взглядом приковывал к себе девичьи сердца, быстро разлетелась по всем Карпатам. Люди приходили в храм, приносили цветы, брали свечи, молились, часто пытались заговорить с монахом, но инок отворачивался и уходил от разговора. «Обет молчания», — думали прихожане, дивчины с досады кусали губы, мужики дивились на его отрешённость от мира и всего человеческого. Инок излучал достоинство и скорбь, и боль его светилась в его взгляде, движениях и равнодушии к миру.

Жил инок в глубине гор, среди серых массивных скал в убогом жилище. Наскоро